

Дарья Мусс

ГеОмЕтРия *случайностей*

Роман

БИБЛИОТЕКА

классической
и современной
прозы

Библиотека классической и современной прозы

Дарья Мусс

Геометрия случайностей

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 884(2=411

Мусс Д.

Геометрия случайностей / Д. Мусс — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2023 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907694-72-9

Мир элит, состоятельной жизни и любимой профессии – всё, о чём мечтает трудолюбивая и талантливая Клара, перебравшись в столицу начала нулевых. Однако чем глубже она окунается в пучину такого успеха, тем отчётливей становится ощущение, что в её жизни что-то идёт не так. В состоянии смятения Клара отклоняется от привычного уклада, что в одночасье сеет беспорядок в её успешно сложившуюся жизнь. Вместе со стремительным разрушением прежних стремлений с Кларой начинает происходить череда случайных событий, но прошлая жизнь неустанно следует повсюду, ставя героине всё больше ловушек непростого выбора. Каждая глава романа – это отдельный эпизод, вобравший в себя набор разновременных происшествий. Существует ли между ними связь? Какие очертания обретёт будущая жизнь героини под воздействием непредвиденной силы стечений обстоятельств, человеческой воли и необходимости построить её заново?

УДК 821.161.1-31

ББК 884(2=411

ISBN 978-5-907694-72-9

© Мусс Д., 2023
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2023

Содержание

Вступление	6
Глава I	9
Глава II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

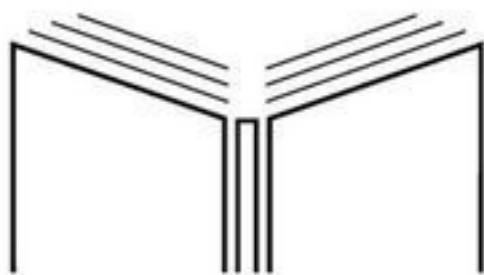
Дарья Мусс

Геометрия случайностей

© Дарья Мусс, 2023

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2023

БИБЛИОТЕКА

классической
и современной
прозы

Вступление

Светало. На чердаке жилого дома горел лишь приглушённый свет от зажжённых свечей. Несмотря на груды запылившихся сумок с не нашедшими применения предметами и плотно расставленную вдоль стен старую мебель, внутри чердака было просторно и по-своему уютно, а из окна открывался обворожительный вид на реку и лесную чащу. В отличие от нижних этажей дома, в ночное время здесь особо бодрствовала жизнь. Повсюду в организованном беспорядке были разбросаны тетради и исписанные листки бумаги, поэтому при желании можно было быстро найти нужную запись. Я сидела за столом напротив окна и дочитывала одну из таких тетрадей.

«Это было сложно, но это было моё!» — последнее, что вычитали мои глаза из потрёпанного клочка бумаги, вклеенного на изнаночную сторону обложки тетради.

Задумавшись над прочитанным, я откинулась на кресле, но затёкшая спина мне нещадно напомнила о том, что уже пятеро суток я не выходила из дома. Первая часть материалов была изучена и тщательно подготовлена, а для оставшихся двух ещё предстояло многое прочесть, осмыслить некоторые факты, найти недостающую информацию и встретиться с несколькими людьми. С особым удовлетворением я окинула взглядом стопки изученных тетрадей, таблиц, исписанных листков и аудиозаписей и, довольная своей работой, решила, наконец, пойти прогуляться, перед тем как приступить к описанию всего того, что открылось для меня за эти бессонные ночи труда.

Неделю назад я приехала в дом своих родителей, которые проживают в небольшом селе горной местности Алтайского края – самом очаге природных даров и богатств, далеко от городской суеты, с багажником, полным тетрадей, записей, а также фото- и видеофайлов, чтобы погрузиться в изучение материалов для будущей книги. Больше всего у меня, безусловно, было впечатлений личного характера, немногими из которых я позволю себе поделиться лишь во вступлении к этой книге ввиду их субъективности. Сама же книга основана исключительно на материалах, которые мне были переданы, а также на информации, полученной из личных бесед от первого лица и от других очевидцев.

А началось это приблизительно так: около четырёх лет назад я познакомилась с женщиной, по имени Клара, которая приехала в Австрию в наш город Зальцбург с труппой исполнителей. Она арендовала второй этаж моего дома на время гастролей. В ту пору я проходила бракоразводный процесс и искала дополнительные средства, чтобы поддержать себя, поэтому время от времени сдавала часть своего большого особняка. Клара была родом из Сибири, несмотря на такое редкое для тех краёв имя, и мне, как тоскующей русской эмигрантке, было приятно всякое общение с соотечественниками. Мы сдружились, и каждый раз, когда она была приглашена к нам в город со своей музыкальной труппой, охотно останавливалась у меня в доме. Это был хорошо известный в музыкальных кругах профессионал, но, прежде всего, меня изумила и заинтриговала её жизнь.

В свои ещё пока не совсем пожилые годы я не встречала кого-то похожего на Клару. Когда мы встретились впервые, это была уже зрелая женщина, лет шестидесяти, с которой с первых минут знакомства просто хотелось находиться рядом. В ней жила какая-то вневременность, незнакомая мне. Чем больше я с ней общалась, тем больше хотела узнать. Она была как постоянно обновляющаяся река, а её жизнь – как вечно читаемая книга, без конца и начала.

На протяжении трёх лет Клара приезжала в Зальцбург с гастролями, но однажды, ожидая её скорого приезда, я вдруг узнала из газет, что концерты её труппы в нашем городе были отменены. Забеспокоившись, я попыталась выйти с ней на связь, но телефон постоянно был вне зоны доступа. Через месяц мне позвонили её дети и попросили о встрече. Как стало известно из

их уст, Клара срочно уехала на какое-то время из России, как мне тогда пояснили, по личным причинам.

Однако не это событие послужило поводом для нашей встречи с её детьми. Хотя сама Клара никогда не делилась со мной подробностями своей жизни, детям, по всей видимости, обо мне что-то упоминала. Они знали, что я довольно известный для русскоязычного общества Австрии писатель, переводчик, бывший журналист-эмигрант, и приехали, чтобы предложить мне написать книгу, которая потребовала бы предварительного тщательного исследования, острого ума и свободного, независимого мышления. Вначале я, не раздумывая, отказалась, так как на тот момент не только утопала в заботах о первенце, но и была занята новой работой в издательстве, которая отнимала у меня много времени. Тогда по возвращении Клары в Москву они организовали встречу, после которой я решила посвятить три года своего времени тому, чтобы тщательно изучить собранные материалы и написать её полную историю.

Эта встреча состоялась в их подмосковном доме в период рождественских каникул, куда я приехала в качестве гостя, а вовсе не как журналист или писатель. Дети знали, что мать не поддержит такую затею с их стороны, поэтому настоятельно меня попросили об их просьбе не упоминать. Они искали человека, который был бы одновременно не чужим для их матери и не близким родственником и при этом не являлся бы участником или прямым очевидцем событий её жизни, чтобы можно было непредвзято поведать историю со всеми эмоциями и оттенками, имея независимое мнение. Я, вдобавок ко всему прочему, ещё имела соответствующее образование.

Их замысел заключался в том, чтобы наши встречи происходили как можно более естественно и спонтанно, в условиях, где можно было свободно с ней беседовать о прошлом и задавать вопросы, тем самым собирая недостающие для книги пазлы, которых ввиду скрытности Клары насчитывалось немало даже для её собственных детей. На первую встречу я приехала с целью скорее навестить хорошую знакомую и посетить любимую мной столицу, нежели брать на себя столь ответственное задание, требующее значительных временных и энергетических затрат. Клара, ни о чём не подозревая, была искренне рада моему приезду. Как-то вечером мы сидели у камина и рассуждали о моих личных семейных проблемах, сложностях в браке, и я задалась вопросом о смысле своей жизни и вообще любой. Она посмотрела на меня таким понимающим, проникновенным взглядом и с внезапно появившейся на её лице обаятельно-загадочной улыбкой вдруг сказала: «Жизнь, наверное, слишком сложна и многогранна, чтобы можно было сказать, что её смысл лишь в любви, но, знаешь, всё-таки в этой жизни, длиной в полсекунды, кроме неё ничего более планировать, наверное, не стоит». Этого было достаточно, чтобы разбудить моё любопытство к Кларе и уехать к себе в Зальцбург с чётким намерением принять это тайное предложение от её детей.

На улице всё ещё было темно. Дул ветер. Я прогуливалась вокруг дома около часа, размышляя обо всём прочитанном. Несмотря на боль в спине после пяти дней погружения в работу без отдыха, я не чувствовала моральной усталости и не без азарта желала продолжить. Приготовив себе горячего чая, я вернулась на чердак и начала листать следующую тетрадь с её личным дневником.

«Как же принять то, что всё невыносимо, а дальше хуже? Как научить себя поверить, что всё – тьма и уже нет надежды?» — говорили таинственные строчки дневника. Я посмотрела в окно, вспомнила Клару и осознала, что в её глазах жил ответ.

Воспроизводя в своей памяти наши с ней личные беседы во время встреч, которые так умело организовывали для нас её дети, я сразу для себя отметила, что Клара никогда не рассказывала мне факты своей биографии, как анкету, – это было скорее повествование о днях, каждом в отдельности, чью связь и значение я разъяснила для себя лишь теперь, после озна-

комления с материалами и проведения анализа полной картины фактов её жизни. Ей же был важен каждый день, его описание, стечение, живущие в нём эмоции и осмысление; он нёс для неё свою значимость, свою историю, способную изменить курс всей жизни, что я и постаралась отразить каждой отдельной главой этой книги для нашего дорогого читателя.

В один прекрасный день какое-то время спустя после моего пятого визита в Москву мне позвонили её дети и сказали, что больше не смогут организовывать подобные беседы, так как Клара уехала на неопределённый срок в кругосветное путешествие, не сказав, когда вернётся. Тогда они передали мне все имеющиеся на руках материалы, я собрала свои записи, сделанные после наших с ней бесед, встретила с несколькими очевидцами и уехала к родителям изучать её историю, после написания которой я не смогла остаться прежней.

Глава I

Бунт

«Для того самого совершенного утра нужно как минимум так себя чувствовать внутри», – подумала про себя Клара с несвойственным ей скептицизмом и абсолютной уверенностью в том, как сложится день, и, повернувшись на другой бок, решила подремать ещё полчаса.

В столичной суете пробуждалась пасмурная пятница позднего августа: бодро и решительно неслись переполненные вагоны метро, заполнялись блеском припудренные витрины магазинов, оживлённо по мокрым тротуарам спешили прохожие – разгоралась привычная, наполненная делами и заботами московская жизнь. В это незатейливое утро, казалось, всё было по-прежнему и ничего не предвещало перемен – обычный день, измождённый механизмами повседневности, которые Клара освоила до автоматизма. Будние, как и выходные и праздничные дни, напевали одну и ту же повторяющуюся прозу, лишь с небольшой разницей в череде установленных событий и обстоятельств. Москва отлаженно готовилась к очередному дню предвидимых занятий, общеизвестных целей и неуклонно стандартизированных задач.

Окончательно проснувшись, Клара огляделась по сторонам своей же комнаты с надеждой обнаружить хоть какие-нибудь изменения, однако всё напоминало прежний, хорошо знакомый вид её привычного быта: функциональный интерьер спальни, обновить который давно не доходили руки; видневшийся из окна забитый старой мебелью балкон всё того же соседа; монотонные гудки поездов располагавшегося неподалёку Курского вокзала; переполненная корзина с грязным бельём, извещающая о конце рабочей недели, и, наконец, те же рыбки в аквариуме, выполняющие свою привычную траекторию. Всё находилось на своём отведённом месте, но сегодня, с первых минут своего бодрствующего утра, эта обычная картина, странным образом, вызвала в Кларе чувство смутения и недовольства. Невольно морщась от нежелания вставать с постели, чтобы начать очередной предсказуемый день с известным распорядком, Клара закрылась подушкой и пролежала ещё некоторое время в борьбе со своим нахлынувшим протестом и неприятием, прежде чем смогла пересилить внезапные эмоции и, приложив немалые усилия, поднялась с кровати и с тяжёлой головой побрела в ванную.

В поисках убедительного объяснения своему почти неконтролируемому эмоциональному состоянию Клара перебирала в голове все события предыдущих дней и даже недель, но ни одно из них не давало ни малейшего повода к столь резким и внезапным переменам в настроении – всё шло своим ровным и спокойным чередом, не оставляя места любому поводу для подобного всплеска темперамента. Однако, поразмыслив, она припомнила, что сегодняшний день всё же имел одно отличие от всего остального привычного набора её повседневной действительности – это был день её тридцатилетия.

Клара была привлекательной молодой женщиной среднего роста, с очерченным силуэтом и тонкой женственной комплекцией. Её мелкие пропорциональные черты лица выражали эмоциональную чувствительность, а шелковистые каштановые волосы умело подчёркивали озорной блеск светло-серых глаз. Она редко носила макияж, однако всегда имела элегантный внешний вид, выверенный строгим вкусом и своим индивидуальным стилем. Статная осанка извещала не только о стройной, подтянутой фигуре, но и о решительном, целеустремлённом характере хозяйки. Отличительной особенностью Клары была её походка. Всякий раз, когда ей говорили о том, что ни одному знакомому с ней человеку не составило бы труда узнать её со спины даже в любом парике и одежде именно по присущей лишь Кларе походке, она с

неловким стеснением смущалась и робела. Когда-то, ещё в младенческом возрасте, она получила травму задней части левой ступни в швейном цехе, где работала её мать. Несмотря на то, что врачи заверили Клару: единственным неприятным последствием несчастного случая было ограничение в длительном или постоянном ношении обуви на высоком каблуке, она по какой-то причине неотступно связывала детскую травму со своей отличительной чертой, хотя такой связи не существовало вовсе.

Спокойного, жизнерадостного и в редких случаях умеренно капризного нрава, Клара обладала природной проницательностью, безошибочной интуицией, проявлявшейся при определённых обстоятельствах в её своенравном поведении, естественным чувством такта, скромной ненарочитостью и редкой чувствительностью – всё то, что год за годом формировало её характер и восприятие мира, порой по-ребячески наивное, порой не по возрасту зрелое. Пытливый ум, природная любознательность и требовательное отношение к себе привели к тому, что в свои годы Клара уже обзавелась завидным для многих социальным положением и блестящей карьерой. В вопросах выбора будущего ремесла и профессионального самоопределения Клара, в отличие от большинства своих сверстников, не знала больших сложностей. Ещё в школе она проявляла живой интерес к культурологии, географии, истории и лингвистике, но особенно большое значение придавала принципам справедливости и нравственности, поэтому поступила на факультет права и международных отношений. В свободное от профессиональной деятельности время она много путешествовала, любила читать, занималась самообразованием и музыкой.

Детство и юношество Клары прошло в небольшом городке на северо-восточных просторах Сибири, в краях, где природа с размахом окунается во всё разнообразие времён года, неустанно меняя свой внешний облик, а в семьях чувствуется уют традиций и провинциальных устоев российского общества. Однако ещё в раннем возрасте после своей первой поездки в столицу региона – Красноярск Клара начала признавать лишь большие города, восхищаясь их величием и бурлящей там жизнью. С детских лет было крайне заметно, как любознательность и её стремление к познанию перерастали возможности своего родного города. Так, после школы Клара поступила в высшее учебное заведение в Красноярске, куда переехала с твёрдой уверенностью в том, что уже не вернётся назад. По воле случая, удачи или же благодаря стремлениям и широте своего ума Клара, окончив с отличием университет, оказалась в Москве, где и начала профессиональную карьеру сначала адвоката, затем консультанта и специалиста по международному праву в средних и крупных частных компаниях. Столица внушала молодой, активной и талантливой Кларе благоговейную симпатию, где она усматривала целую радугу перспектив и идеальное место для полной реализации. Москва представлялась ей тем средоточием значительных событий, тем очагом интересных знакомств, которые составляли неотъемлемую часть её увлечений и мечтаний.

Зеркало в ванной комнате, к её разочарованию, никак не оповещало о праздничном дне, а лишь безошибочно указывало на образ равнодушной, зачахшей, слегка взлохмаченной молодой женщины, так гармонично сочетающейся с апатичной атмосферой дома. Клара имела привычку следить и ухаживать за собой, но в последнее время начала наблюдать в своём внешнем виде признаки несвежести и тусклости, которые не устранялись отдыхом, витаминами и должным отпуском. У врачей не нашлось поводов для беспокойства, поэтому Клара, делаясь своими волнениями с близкими и знакомыми, списывала всё на возрастные изменения, что, конечно, вызывало скорее улыбку на лице, нежели должное понимание и сочувствие. В надежде избавиться от несвойственного в последние годы душевного смятения Клара приняла холодный душ и направилась на кухню приготовить себе завтрак, как раздался звонок:

– Привет, любимая. С днём рождения! – ровно, почти автоматически произнёс голос в трубке.

– Спасибо, Альберт! – равнодушным и не совсем приветливым тоном ответила Клара.

– Как настроение? Я только что звонил в ресторан: к шести всё будет готово, как и договаривались! А ведущий подойдёт к семи, когда рассядутся гости, – энергично воскликнул Альберт, сразу же перейдя к организационным вопросам.

– Понятно, но я даже не видела полный список гостей... – с долей недовольства заметила Клара, – близкого круга друзей и коллег было бы вполне достаточно!

– Не беспокойся, сегодня всё организовано для праздника и будет весело! Настраивайся на пышные гулянья! – сказал Альберт, не поняв, что в эти минуты тревожило Клару.

– Я просто уже хорошо знакома с манерой вашей семьи приглашать на мероприятия лишь людей, которые выгодны для имиджа и репутации! Сегодня я бы не хотела слышать поздравления от людей, которых я видела пару раз в жизни лишь мельком!

– Ты чего это? Не с той ноги встала? – удивлённо спросил Альберт.

– Да настроение странное – наверное, старею... – призналась Клара, пытаясь намекнуть на расстройство своего душевного состояния. – А что ты мне пожелаешь? – вдруг поинтересовалась она.

– Да брось с этими глупостями! Не философствуй лишнего! – сказал Альберт, немного замешкавшись. – А желаю тебе, конечно, здоровья, позитива и чтобы ненужные мысли не лезли в голову! – растерянно добавил он.

Впрочем, ему было свойственно теряться, когда велись откровенные беседы и задавали слишком прямые вопросы.

– Иногда мыслям не прикажешь! – возразила Клара.

– Как хорошо, что у тебя сегодня выходной – будет время привести себя в порядок к вечеру, ведь у нас столько планов на сегодня! – Альберт делал вид, что не замечал настроения и протеста Клары, хотя он в действительности вполне был способен не замечать некоторые вещи из-за присущей ему нечувствительности к эмоциям и душевным переживаниям. – Кстати, после обеда, – продолжал он уже слегка игривым голосом, пытаясь сменить тему, – мама хотела тебе позвонить. Она что-то придумала с подарком, раз пять спрашивала у меня твой размер, вот я и осознал, что знаю только твой размер бюстгалтера.

– Ничего мне не надо, вечером с ней увижусь! – резко ответила Клара на неуклюжие попытки Альберта отшутиться и разрядить обстановку, почувствовав, как утренние эмоции вновь начали преобладать.

– Сегодня мы организовали для тебя превосходный вечер на крыше шикарного отеля с видом на всю вечернюю Москву! – восторженно констатировал Альберт с уверенностью в неоспоримой заманчивости своего предложения.

– Хмм... дай отгадаю! Наверное, это «Метрополь» на Лубянке! Мы уже с десятков мероприятий там провели! – иронично заметила Клара. – А с террасой заминочка, больно пасмурный сегодня день!

– Там невероятно красивый банкетный зал и вообще престижнейшее место! – с возмущением ответил Альберт на пререкающийся настрой Клары, добавив: – Что ты так раздражена?! В свой же праздник! Хотя я и сам сегодня на нервах, – произнёс Альберт, ловко переводя разговор на занимающие его голову вопросы. – Представь, утром узнал, что Рубинштерны нам сделку сорвали! Отец со вчерашнего дня сам не свой! – сказал Альберт теперь уже обеспокоенным тоном, вновь меняя тему разговора. – Надеюсь, к вечеру отойдёт.

– Мы на нервах по разному поводу, – тонко съязвила Клара, обижаясь на его нечувствительность и концентрированность на себе в её день. – По-моему, Оскар Абрамович сам не свой с того момента, как у Рубинштерна-старшего случился инсульт! – нетерпимо добавила она.

Сегодня Клара не желала ни говорить, ни слушать о работе, а Альберт так нечувствительно настаивал.

– Ещё бы! После смерти старшего, благодаря его братику, нас через месяц ждёт уже третий аудит! Кто бы мог подумать, ведь под свою же фирму копает! – возмущённо заметил он.

– Хочет всё проверить перед вступлением на должность покойного брата. Мне кажется, вполне адекватное поведение, – равнодушно сказала Клара, вдруг осознав, что бессмысленно было ожидать от Альберта тонкого восприятия её состояния.

– Ты его ещё не знаешь – похоже, он похитрее своего брата! – раздражённо ответил Альберт. – Как хорошо, что у тебя теперь новая должность! Вот сегодня всё и отпразднуем – и день рождения, и твоё повышение!

– Да уж! Я и забыла. Как-то очень неожиданно твой отец решил перевести меня в топ-менеджеры – у меня и опыт-то в другой сфере! Надеюсь, всё же это не твоих рук дело! – с некоторым негодованием воскликнула Клара.

– Я ничего не знал, клянусь! Сам тогда удивился, но это же здорово! Чем ответственнее должность, тем теснее ты будешь участвовать в делах компании и тем серьёзнее принимать решения, да и вместе будем курировать некоторые проекты.

– Я пока ничего не подписала – Оскар Абрамович что-то всё тянул с контрактами. Так что хоть я уже неофициально приступила к новым обязанностям, я могу ещё и передумать, – капризным тоном заявила Клара, поддавшись утренним эмоциям.

– Клара, у отца сейчас на столе целая куча бумаг из-за аудитов и смены совета директоров, но он мне сказал, что сегодня всё уладим! Не знаю, правда, когда. Но ты ни о чём не беспокойся, вечеринка пройдёт на ура – мы наняли лучших организаторов праздников.

– Я знаю, как всё пройдёт. Вы обращаетесь к одним и тем же организаторам мероприятий для всех крупных вечеринок – ничего нового, – вздохнула Клара.

– Всё, зайчонок, мне надо бежать, в пять заеду за тобой. Выпей вина, расслабься! – вдруг заторопился Альберт. – До вечера!

– Пока, целую, – нерешительно сказала Клара и повесила трубку.

С Альбертом Клара встречалась уже около трёх лет, их отношения были предельно стабильными и мирными – без буйных ссор и взрывных проявлений темперамента. Альберт работал коммерческим директором в крупной юридической фирме своего отца. Это был спокойный, воспитанный человек, всегда в хорошем настроении, с незыблемыми идеями и привычками всегда идти по жизни как по заранее написанному плану, выверенному согласно его представлениям о мире и собственной жизни. Любимый сын образованной и состоятельной семьи, Альберт никогда не стоял перед той свободой выбора, которую с самого раннего детства знала Клара, опасался риска и всегда принимал рациональные и трезвые решения. Он был на семь лет старше Клары и всячески пытался уговорить её переехать в свой дом и завести семью, но всегда безуспешно – Клара неуклонно отказывалась от всех предложений связать себя узами брака, ссылаясь на сосредоточенность на карьере и отсутствие времени для создания семьи. В результате в будние дни они жили по отдельности, а совместный быт был организован в выходные либо в доме у Альберта, либо на квартире у Клары, а также во время отпусков и некоторых праздничных дней. Такой образ жизни всё это время вполне устраивал Клару, которая обладала врождённым свободолюбием и потребностью в повременном уединении. Как и Альберт, она обладала методичным и организованным умом, но при этом Кларе была также присуща пылкая романтичность и творческая созидательность, в силу чего временами она нуждалась в мгновениях спонтанного хаоса, непредсказуемости, которые тщательно сберегала для себя вечерами одиноких будней. Другой же причиной такого словно подсознательного оттягивания полноценных семейных отношений в их традиционном смысле был её прошлый опыт, который наглядно ей показал, что в большинстве случаев приходится идти на компромисс чаще всего со

своей же природой, что в некоторых случаях, как со временем уяснила для себя Клара, далеко не стоило такой цены. К Альберту она, без всякого сомнения, испытывала привязанность и самые нежные чувства, однако всё ещё сторонилась их постоянного совместного проживания, по всей видимости, из-за неуловимого ощущения присутствия в уголках её души некоторых сомнений, которые сегодня, слившись воедино с другими эмоциями и переживаниями, бурей обрушились на давно привыкшую к себе Клару.

Разговор с Альбертом задел в ней новую диссонирующую струну, и, к её же недоумению, обуревавшие эмоции только усугубились. В это утро их отношения ей показались невероятно формальными, если не сказать чуждыми. Мысль о грядущей вечеринке, неоднократно упомянутой Альбертом, вовсе не добавляла ликующего предвосхищения мероприятия, а лишь усилила ощущение явного отторжения от предстоящих событий дня. Всё безмятежное невозмутимое бытие последних лет тишины и мирного течения по своей жизни в эти минуты внезапно и без всякого повода перевернулось и нахлынуло глыбой неуправляемых эмоций. Теперь чувства внутреннего протеста, смятения, несогласия свободно парили в просторах её души, заглушая остальные эмоции здравого смысла и любые проявления праздничного настроения.

Не успела Клара закончить свой завтрак, состоящий из полуобгоревшего тоста со сливочным маслом, скорее напоминавшего картину «накануне выходного дня по сусекам холодильника», нежели заслуженные праздничные яства в знаменательный день, как один за другим последовали звонки. Младший брат Митя сообщил, что жена ожидает третьего; родители пожелали здоровья и сетовали на погоду в их далёких краях; коллега жаловался на нагрузку в связи с предстоящим аудитом и, как выяснилось, ничего не знал о запланированном мероприятии; близкая подруга Алёна, с которой Клара познакомилась на своей самой первой работе в столице, рассказывала о наряде и новой причёске, которую сделала специально для торжества, а также детально выспрашивала о приглашённых на вечеринку гостях. С каждым следующим звонком поздравления всё громче, всё пронзительнее звенели механическим набором любезных формальностей, лишь усиливая уже вынырнувшее на поверхность этим утром отторжение и желание сбежать от шаблонной обстановки и противоречивых чувств.

«Надо же, насколько предсказуемо это унылое утро моего праздника! И чем дальше, тем безнадежнее – одна тоска. Ах, как одиноко! В обычные дни не так чувствуется, сегодня что-то на меня нашло!» – подумала Клара после ещё одного звонка с формальными поздравлениями.

Поистине дивясь очевидному несоответствию тяжести и чуждости своего эмоционального состояния, ровным счётом ничем не обусловленного, с должным праздничным настроением именинницы, Клара, усомнившись, включила телевизор, чтобы на всякий случай удостовериться в текущей дате и месяце, а также поискать в прогнозах на день хоть какое-то для себя объяснение в расположении и влиянии планет. Она беспорядочно щёлкала по каналам – все программы единодушно подтверждали, к разочарованности Клары, 21 августа 2003 года – знаменательный день с её круглой датой. Кроме этого, телевидение настоятельно предупреждало о дождливом пасмурном дне с сильными порывами ветра, рекомендуя избегать лесной местности и продолжительных прогулок. Дойдя до астрологических прогнозов, Клара с надеждой в глазах пробежалась по гороскопу и остановила свой взгляд на нужном знаке зодиака:

«Львам сегодня будет благоволить удача, а действия наконец-то приведут к тому результату, который вы так давно ожидаете. Расположение звёзд даст возможность переделать массу накопившихся скучных, но необходимых задач. Именно в этот день вы сможете поверить в невозможное и получить то, о чём так давно мечтали. Не отказывайтесь от помощи близких. Будьте терпеливы, мудры и сдержанны, не растрачивайте свои силы понапрасну».

Всё прочтённое в гороскоп-канале вызвало в Кларе лишь отрицающее раздражение, а последние напутствия дня к тому же и циничную ухмылку: она знала, насколько в эти минуты все эти слова были невозможны и далеки от реальности. Так и не закончив завтракать и не найдя объяснения своему эмоциональному всплеску, Клара с досадой в глазах выключила телевизор, заварила успокаивающий ромашковый чай и вышла из кухни.

В попытке побороть своё едва контролируемое эмоциональное состояние и как-то приглушить противоречия и нарастающее чувство негодования, ударившие громом среди ясного неба в спокойной и привычной повседневности, Клара решила последовать совету Альберта – отвлечься и подготовить специально купленный для торжества наряд. В гардеробной гордо висело длинное слегка помятое бледно-жёлтое платье с изящным вырезом на всю спину. Специально подобранная к платью новая пара туфель лежала на самой верхней полке шкафа, куда при помощи стоящей рядом табуретки взобралась Клара и, балансируя на цыпочках со старанием ухватиться за край нужной коробки, резко потянула её к себе. Однако вместе с коробкой кубарем скатились сначала на голову Клары, затем с грохотом приземлились на пол, захватив с комода китайскую фарфоровую вазу, привезённую из отпуска в Шанхае, лежащие сверху зимние сапоги и зонт. От такого громкого шума в комнату прибежал напуганный и взъерошенный кот Сильвер и с осторожностью затаился у порога, предупреждая опасность.

«Видимо, к счастью. Но к какому – пока непонятно!» – подумала Клара, равнодушно окинув взглядом гардеробную, и, отодвинув ногой со своего пути осколки её любимой вазы, пошла гладить платье, оставив комнату в состоянии заметного беспорядка.

Клара родилась творческой и во многом изобретательной натурой. Искусство всегда было для неё предметом восхищения и исключительной подлинной ценностью. С самого детства она грезила музыкой и даже хотела связать с этим жизнь. Большую часть своего свободного от школьных занятий времени Клара с упоением и редкой усидчивостью проводила за изучением нотной грамоты, отработкой этюдов и несложных произведений. Так, к моменту окончания получения среднего образования она уже успела получить диплом об окончании музыкальной школы и даже поучаствовать в региональных конкурсах. Для продолжения обучения Клара после школы переезжает в Красноярск, где делает свои первые шаги в самостоятельную жизнь. Недолго раздумывая и не жалея времени и сил, она поступает в музыкальное училище, чтобы продолжить обучение на своём излюбленном музыкальном поприще наряду с получением высшего образования на факультете права и международных отношений – в то время не менее интересующей Клару области. По воле обстоятельств, получив диплом о высшем образовании, она через некоторое время выигрывает областной музыкальный конкурс и попадает в столицу для итогового состязания молодых музыкантов. Бурлящая жизнь самого крупного города страны, богатая культурная деятельность, впечатляющие городские архитектурные убранства и неограниченные возможности – всё, что нужно для амбициозного, творческого и целеустремлённого потенциала, – увлекли и поманили Клару, и она приняла решение остаться в столице. Даже несмотря на несомненные успехи в музыкальных кругах, Клара сделала выбор в пользу своей основной карьеры, которая здесь открывала для неё массу новых возможностей и интересных знакомств, тем самым впервые отодвинув увлечения детства на второй план. Первый год жизни в столице прошёл крайне интенсивно и даже напряжённо – следовало не только найти подходящую работу и обустроиться в совершенно незнакомом месте, но и создать с чистого листа свой круг знакомств, а также пройти социальную адаптацию в крупном городе-космополите. С Альбертом Клара познакомилась только к концу третьего года столичной жизни, когда уже успела обжиться, сменить несколько работ, узнать романтику юных лет и покрутить непродолжительные романы. Устроившись в давно заявившую о себе крупную юридическую фирму отца Альберта, за своё быстрое обучение, смекалку и удачные контракты

уже через полгода работы Клара получила повышение и была переведена в международный отдел на должность консультанта – специалиста по международным правовым спорам, где Альберт занимал руководящий пост. Так, постепенно, выстраивалась жизнь, которая погружала её всё глубже в мир лицемерия, расчёта, корпоративных финансов, важности репутаций и привела к сегодняшнему дню, когда в день своего рождения она чувствовала в себе лишь рвущийся наружу протест и непримиримые противоречия, зовущие к незамедлительному их разрешению.

Клара начала гладить платье, когда раздался телефонный звонок.

– Привет, Кларочка! – прозвучал грубый мужской голос в трубке.

– Здравствуйте, Оскар Абрамович!

– Поздравляю тебя с праздником – всё готово для пышного вечера! – торжественно заявил мужчина.

– Спасибо, я знаю, – сухо ответила Клара. – То же самое час назад мне сказал ваш сын...

– Кстати, я позвал директора благотворительного фонда «Мы Вместе», возможно, он придёт с несколькими своими партнёрами, – продолжал Оскар Абрамович, не замечая ропщущую интонацию Клары.

– Зачем? Я вроде просила никого не звать, кроме друзей и близких, я бы не хотела ничего рекламировать на своём дне рождения, – сказала Клара, едва сдерживая своё возмущение.

– Кларочка, тебе ни о чём не стоит беспокоиться! Это отличные, нужные нам знакомства, тем более помимо твоей круглой даты отметим ещё и повышение! Осталось только пару бумаг подписать. Сегодня будет практически полный состав совета директоров, вот я тебя им и представляю, а после ужина всё подпишем, как условились! – настаивал Оскар Абрамович.

– Можно и в другой день подписать контракт и прочие документы по переводу на новую должность, не обязательно всё делать сегодня! – капризным тоном сказала Клара, уже слабо отдавая себе отчёт в том, что разговаривала со своим начальником.

– Ну что же, совместим приятное с полезным и заодно воспользуемся поводом всё вместе отпраздновать! – спокойно, но категорично сказал Оскар Абрамович, добавив: – Кстати, Альберт приготовил для тебя сюрприз!

– Я сегодня не настроена на сюрпризы и благотворительные вечера! Это мой личный праздник, а получится бизнес-приём какой-то! – с раздражением ответила Клара, удивляясь настойчивости Оскара Абрамовича.

– Нет-нет, тебе точно понравится, мы всё отлично продумали: великолепный банкетный зал в старинном здании в центре Москвы! Будет весело, даже не сомневайся! – сказал Оскар Абрамович, будто не обращая никакого внимания на доводы, заботы и волнения Клары.

– Со своей стороны я не могу это утверждать с такой же уверенностью, – заметила Клара. – Вы прессу позвали?

– Да, несколько знакомых журналистов и фотографов, – немного нервно ответил Оскар Абрамович.

Никогда прежде он не наблюдал такого пререкающегося тона со стороны Клары.

– Я говорила Альберту, что хочу видеть лишь близкое окружение и простую неофициальную обстановку, без журналистики и профессиональных камер, – вновь вторила Клара.

– Что-то новенькое – все эти капризы, не замечал за тобой раньше! Сегодня у тебя круглая дата и ещё такое серьёзное повышение, это ведь надо запечатлеть должным образом?! Потом отправлю вас с Альбертом на Мальдивы в интимную обстановку, – тем же напевом настаивал Оскар Абрамович.

– Странно, вроде бы мой день, а все знают лучше меня, что мне нужно, – не выдержала Клара. Ей вдруг остро захотелось всему говорить «нет».

– Выпей вина, отдохни перед торжеством! Что-то ты сегодня напряжённая!

– Да что ж такое, все меня сегодня призывают напиться! Альберт то же самое посоветовал! – сказала она, совсем не узнавая себя, словно не Клара произносила эти слова и будто не со своим начальником разговаривала.

– Не напиться, а выпить, чтобы расслабиться! По всей вероятности, этот Рубинштерн-младший и тебе нервы хорошенько потрепал! – предположил Оскар Абрамович, пытаясь объяснить своими собственными заботам и настроением, и пререкающиеся манеры Клары.

– Рубинштерн-младший здесь вообще ни при чём! По-моему, он вполне грамотный и компетентный профессионал, а напряжённой можно быть и по личным причинам, – заметила Клара.

– Я видел, что вы уже успели наладить контакт при личной беседе в его офисе, – ехидно произнёс Оскар Абрамович, но тут же осёкся и добавил: – Вот и хорошо, что теперь у тебя новая, ответственная должность. Будем надеяться, что вам удастся найти общий язык – у нас у всех с ним крайне сложные отношения!

– Я заходила к нему в кабинет, поскольку он попросил меня найти для него одно конфиденциальное досье клиента, – строгим голосом начала Клара, не желая оправдываться, – он не был в курсе, что официально я ещё не оформлена на новую должность, хотя по факту уже осваиваюсь, изучаю материалы и исполняю часть новых обязанностей. Вы сами меня представили как топ-менеджера, вот он и обратился с просьбой!

– И ты ему сказала, что без контракта начала работать? – с нервным раздражением спросил Оскар Абрамович.

– Нет, я просто сделала, что он просил.

– Вот и правильно! Между нами говоря, он был против твоего повышения. Ладно, это не телефонный разговор, вечером всё подпишем и поговорим! Ах да, чуть не забыл: подумай, что можешь сказать в приветственной речи.

– Подумаю, – Клара была настолько поглощена своими новыми для неё эмоциями и усилием их контролировать, что уже ничего из сказанного в разговоре не могла воспринимать всерьёз.

– Тогда давай готовься к празднику! Встречаемся на месте в восемнадцать ноль-ноль, – натянуто, но сдержанно выпалил Оскар Абрамович, явно утомившийся от пререканий Клары.

– До свидания.

Об отце Альберта Клара всегда имела двойное мнение – сформировать какого-то чёткого представления за все годы отношений с его сыном она так и не смогла. Люди такого сорта в её жизни ещё не встречались, более того, даже тип личности Оскара Абрамовича не представлялся ей чем-то знакомым или на кого-то даже отдалённо похожим. Он умел держать всё вокруг себя под жёстким контролем и, надо признать, добился профессиональных успехов, безупречного имиджа и финансовой состоятельности. Был ли это положительный или же отрицательный персонаж этого мира, она до сих пор не поняла, однако также и отказаться от своего интуитивного желания при первой возможности избегать совместных мероприятий и встреч у неё не получалось. Оскар Абрамович казался Кларе подозрительным, властным и неискренним человеком, повседневно живущим в мире хороших репутаций, нужных связей и расчётливых непрочных отношений. Вместе с тем у неё не было оснований чувствовать к нему какую-либо неприязнь – будущий свёкор всегда относился к Кларе с вниманием и доверием, которое порой ей казалось где-то неестественным и даже надуманным. Тем не менее она подсознательно не любила проводить время в его компании, не отдавая себе в этом отчёта. В отличие от всех остальных членов семьи Альберта Оскар Абрамович был единственным, кто не настаивал на оформлении брака сына и на их совместном проживании. Кроме того, ещё до начала отношений Клары с Альбертом Оскар Абрамович, приметив её пытливый ум и высокий профессионализм, предложил ей повышение на более интересную и ответственную должность с хорошим окладом уже после нескольких месяцев работы в его фирме. За почти три года работы

у своего будущего свёкра Клара познакомилась с важными клиентами, партнёрами компании, пользовалась отличной репутацией и получала неплохие премии и бонусы. Оскар Абрамович имел вспыльчивый, даже скандальный нрав, который он, видимо сознательно, показывал не всем и с Кларой всякий раз держался сдержанно и спокойно. Около двух недель назад вслед за скоропостижной кончиной одного из крупных акционеров предприятия в компании начали проводиться непредвиденные мероприятия и происходить глобальные изменения – аудиты, новое руководство, смена персонала. В один прекрасный день Кларе неожиданно сообщили о существенном повышении, кардинальной смене должности и переводе на место заместителя генерального директора. Ей тут же вручили кипу бумаг на изучение, часть из которых она должна была подписать в торжественной обстановке на вечеринке по случаю своего дня рождения. С этого момента Клара впервые заметила за Оскаром Абрамовичем изменившееся по отношению к себе поведение.

Разговор с будущим свёком отрезвил Клару и окунул в поджидающую её повестку дня. Как же хорошо она знала всю изнанку таких праздников со всеми доскональными подробностями! Ведь где-то в недрах своей души Клара понимала, но, вероятно, боялась признаться самой себе, насколько ей было чуждо всё это мраморное веселье! Уже несколько лет праздничные дни проходили для Клары в одном и том же обществе и были схожи своим привычным набором условностей, любезностей и преследуемых на них целей. Как себя вести, какие действия предпринимать, с кем и о чём говорить, какие связи наладить – всё было известно заранее. Изображать и лицемерить для гостей таких мероприятий было культурой поведения, средством общения – что, стоит отметить, не только устраивало их публику, но, судя по всему, и доставляло ей удовольствие. Свежий ветер в направлении новизны и непредсказуемости встречался таким обществом неодобрением, даже порицанием, но именно он этим утром забурлил в Кларе эмоциональным всплеском и был сегодня так для неё важен и ей необходим.

Состояние полного отрицания поглощало Клару настолько сильно, что она уже больше не могла его принимать, отвлекаться на постороннее или попросту не замечать, как на протяжении последних нескольких лет, – слепо, вяло, жертвенно и так бессмысленно. Она вдруг почувствовала, как фальшиво, как безвкусно и печально жила всё это время. Предстоящая вечеринка, перевод на высокую должность, пресса, люди со взглядом наживы и лицемерия, это общество власти, расчёта и нужных знакомств, заурядно-предсказуемые дни без йоты творчества и искусства – это был её случайный мир, где она уже так надолго задержалась и который медленно уничтожал затихающую песнь её живой лирической сущности.

Не находя спокойствия, Клара словно львица в клетке металась по квартире в попытке собрать себя в одно целое и перебороть эмоции. Сегодня, даже собрав всю силу воли, ей не удавалось закончить ни одно начатое занятие – будь то скудный завтрак, уборка разбросанного по всей комнате стекла или просто глажение платья. В эти минуты гармония не обитала ни в одном углу её квартиры. Клара больше не мыслила себе то, что можно было сделать дома, что бы её как-то отвлекло от шторма внезапных чувств и противоречий – собственная квартира словно вторила и бубнила прежние мотивы повседневной монотонности, служа отражением и напоминанием её старого образа жизни. Позвони ещё кто-нибудь из её окружения с поздравлениями, она, вероятнее всего, пустилась бы крушить всё вокруг. Оставаться в такой обстановке становилось невыносимо – Клара, казалось, была не согласна со всем и повсюду натывалась на свои будоражащие изнутри эмоции и полное отрицание окружающего её в эти минуты мира. Она наспех оделась, взяла сумочку, с решительностью окинула взглядом свой привычный быт в надежде, что прогулка как-то изменит её состояние и душевный сумбур, и стремительно выскочила из дома в неизвестном для себя направлении. Наверное, впервые за всю

свою жизнь Клара выбежала из дома на грани иступлённости, не только не зная, куда идти, но даже нисколько не беспокоясь об этом.

Детство Клары прошло в семье врача и швеи в небольшом городке Красноярской области. В их семье не было большой нужды, однако родители проводили много времени на работе, а в оставшееся время всё внимание в основном уделялось младшему брату Клары, который рос непослушным и проблемным ребёнком, поэтому на её долю выпала участь воспитывать саму себя и распоряжаться такой свободой по своему усмотрению. С тех самых пор Клара начала открыто проявлять независимость, самостоятельность и ответственность. Она росла мирным и достаточно робким ребёнком с большой любознательностью в изучении мира. В школе Клара была из тех учениц, которых не нужно было ни к чему мотивировать или поощрять – порою могла с усердием терпеливо сидеть за книгами до глубокой ночи, пока полностью не изучит тему или не разберётся в каком-то вопросе, даже если это не входило в рамки школьной программы (однако последнее применялось лишь к предметам, которые затрагивали в ней живой интерес). Тем не менее переходный возраст всё же выявил никак не проявленные ранее качества характера Клары. На протяжении двух лет средней школы к всеобщему удивлению и беспокойству семьи она демонстрировала свой мятежный дух, изрядно испортив свой школьный годовой табель. В этот период Клара без зазрения совести довольно часто прогуливала уроки, до сумерек гуляла с подругами, читала множество романов, но ничего из школьной программы и в целом проявляла к учёбе намного меньший интерес, если не сказать полное равнодушие. Даже для любимых занятий музыкой наступил недолгий перерыв. Родители Клары, настолько привыкшие к её самостоятельности и примерному поведению, спохватились лишь на втором году её разгильдяйского мятежа, и отец сразу же перевёл дочь в специализированную гимназию, где качество образования значительно отличалось от прежней школы. Со сменой образовательного учреждения переходный период переосмыслений и протеста закончился, и она вновь с упоением погрузилась в учёбу. К тому же на новом месте учиться стало намного интереснее. Уже в старших классах Клара начала подрабатывать по вечерам нянечкой и заниматься репетиторством по музыке, языкам, истории и некоторым другим предметам.

Карманные деньги в основном уходили на путешествия к морю в Анапу и Геленджик, журналы с последними трендами и новостями в мире и модные наряды. Младший брат Митя несколько раз оставался на второй год, а когда, в конце концов, еле-еле дотянул до окончания средней школы, поступил в техникум на слесаря-электрика в своём родном городе. Отношения с Klarой у них были неплохие и достаточно мирные, но близкими их нельзя было назвать. Когда брат Митя окончил техникум, Клара всё ещё училась в музыкальном училище и получала высшее образование в Красноярске, куда её семья приезжала нечасто, оставляя Klаре полную свободу в организации своего быта. После учёбы он быстро женился, а к моменту переезда Клары в столицу в семье младшего брата уже был маленький первенец, требующий много времени и внимания, поэтому лишних беспокойств и эмоций смена места жительства дочери у родителей не вызвала. Несмотря на постоянные уговоры Клары, родители и брат с семьёй за всё время навестили её в столице всего один раз, а после, под разными предлогами, и вовсе категорически отказывались приезжать – крупные города пугали Митю своим ритмом, он становился нервным и беспокойным, а мать с отцом уже не желали путешествовать самостоятельно, объясняя это домашними обязанностями и опасениями ущерба здоровью. По этой причине Клара сама ездила навещать семью приблизительно один раз в год, с каждым разом осознавая, что всё больше отдаляется от них, их жизни, привычек, мыслей и тем разговоров. В этом смысле она испытывала благодарность по отношению к своему брату, который, несмотря на свой непростой характер, был всегда ближе по духу к родителям и оставался их основным занятием и заботой.

На улице было пасмурно; между плывущими светло-перламутровыми облаками проглядывали мелкие бледно-шафрановые лучи солнца; лёгкий прохладный бриз подул Кларе в лицо, когда она завернула за угол дома и, не раздумывая, направилась вверх по Земляному валу без направления, без цели, но с неизъяснимой уверенностью в том, что она делает. Ветер небрежно то причёсывал, то разбрасывал в разные стороны накануне завитые по случаю праздника каштановые локоны Клары, настойчиво идущей вперёд, не обращая никакого внимания на то, что происходило по сторонам. Люди, предметы, события вокруг неё будто замерли, рассеялись, а неподвижный взгляд, устремлённый лишь вперёд, видел только одну дорогу – без направления и конечного назначения.

Столь нетипичное и крайне редкостное для сибирских краёв имя Клара получила путём собственных усилий благодаря своей тётушке по отцовской линии лишь на девятый день после своего рождения. Кларе ещё не исполнилось и шести, когда тётушка скоропостижно скончалась, но память о ней и её вклад в своё становление племянница пронесла сквозь всю свою жизнь. Изначально родители колебались между Раисой или по предпочтению отца Маргаритой, но, в конце концов, ещё за несколько дней до рождения дочери решили назвать её в честь бабушки Зиной. С самого появления на свет ребёнок так часто плакал, доходя порой до истерики, что родители, не зная, что делать, и опасаясь за нервную систему первенца, на шестой день положили дочь на обследование. Днём позднее в госпиталь наведальась тётушка Клары познакомиться с новорождённой и при первом взгляде на племянницу заявила, что дали имя другому человеку, а не малышке, которая лежала перед ней в больничной кровати. Посмотрев в ясные, почти прозрачные глаза, в проникновенный, словно считавающий межстрочную суть вещей взор плачущего ребёнка, она назвала её Кларой, убеждая обеспокоенных родителей, которые приняли подобные речи за шутку, всерьёз отнестись к её словам и сменить девочке имя. Ребёнок постепенно стихал и успокаивался при многократном обращении к ней другим именем. На девятый день родителям пришлось уступить несмотря на то, что они предпочли бы скорее величать дочь Клавдией. Но ребёнок резво реагировал лишь на предложенное тётушкой имя. К тому же оно удачно сочеталось с унаследованным отчеством.

Так девочка пробыла Зиной лишь девять дней своей жизни, а следом на свет появилась светлоокая Клара Фёдоровна.

Небо постепенно превращалось в необъятное серое полотно, а благодатный бриз перерастал в насыщенный свистящий ветер, который с каждой минутой становился всё суровее. Лишь когда встречные порывы заметно препятствовали спокойному прогулочному шагу, Клара огляделась вокруг себя с внезапным осознанием того, что кроме идущей вперёд дороги вокруг неё существовал мир. Людей на улицах становилось всё меньше – они исчезали в переулках, кафе, машинах, зданиях. И вот кварталы опустели; был отчётливо слышен звенящий гул ветра, который, казалось, мог вот-вот сбить с ног Клару, упорно и настойчиво следовавшую своему неведомому даже ей самой направлению.

«Какое странное ощущение – под ногами будто воздух», – подумала Клара, осознавая своё инстинктивное желание взяться за какой-нибудь предмет. Непроизвольное сопротивление и ощущение поразительной лёгкости тела боролись друг с другом в неравной битве. «Ну и пусть меня унесёт», – сказала себе Клара, преодолев инстинктивный порыв сопротивления и отдавшись встречному шквальному ветру. Откуда-то слышались крики, поодаль остановилось несколько машин, чтобы узнать, не требовалась ли какая-либо помощь, но Клара уже ничего не слышала, не замечала, и лишь когда ветер подул навстречу настолько сильно, что разом прижал её к тянущейся вдоль дороги изгороди, она вынужденно остановилась и прильнула к ней спиной, взявшись двумя руками за балки. Ещё какое-то время она простояла в таком

положении неподвижно и безучастно, сколько – сказать сложно, ведь с самого утра ощущение времени в ней полностью перестало существовать.

Ветер стихал, улицы вновь постепенно наполнялись людьми. Клара свернула, дошла до перекрёстка и впервые задумалась о направлении своего движения. Неожиданно её думы прервал громкий звонок телефона:

– Алло, – сказала Клара не свойственным ей тихим, неуверенным голосом.

– Ты где? – возбуждённо выпалил Альберт.

– Гуляю, – равнодушно ответила Клара.

– Гуляешь? В такую погоду? – удивлённо фыркнул Альберт, как если бы это было из ряда немыслимых ему занятий в эту минуту.

– Утром звонил твой отец. Я тебе сто раз говорила, что не хочу никаких благотворительных вечеров в честь моего юбилея, – голос Клары принял недовольно-раздражённый тон.

– Он мне уже звонил и спрашивал, что с тобой случилось и не поссорились ли мы! Я и сам не понимаю, чем ты недовольна, и к чему вообще сегодня проявлять характер?! Это отличный для тебя шанс показать себя в новой должности и обзавестись нужными знакомствами. Теперь будем работать вместе – отец всё для этого сделал! – поучительным тоном заявил Альберт.

– Альберт, я бы хотела в свой день рождения не говорить о нужных знакомствах, репутации, хороших шансах и, в принципе, о рабочих вопросах, даже если они, по-вашему, на благо моей карьеры, – протестовала Клара.

– Сегодня полностью твоя вечеринка, дорогая! – заверял Альберт.

– Не думаю. Оскар Абрамович пару часов назад подтвердил, что сегодня запланировал подписывать документы для моей новой должности, позвал руководителя благотворительного фонда и всех акционеров, за исключением, разве что, Рубинштерна-младшего – не срослось у них, по-видимому, – съехидничала Клара.

– Да? Он мне не говорил! Ну, тогда будет лишний повод для тоста! А список гостей я видел, там ещё будут...

– Вы журналистов звали? – спросила Клара, заведомо зная ответ и не дав Альберту закончить фразу.

– Не знаю, этим занимался отец, – пробормотал Альберт и быстро поменял тему разговора: – Ты, вообще, где сейчас? В семнадцать ноль-ноль будь готова, я заеду за тобой. Нам надо быть на месте раньше, чтобы встречать гостей.

Он был от природы в полной мере нечувствителен ко всем видам крайних эмоциональных проявлений и не знал, как себя вести в подобных ситуациях. Однако обострённые чувства и эмоции Клары уже не могли принимать это в расчёт.

– Мы с тобой обсуждали, что я не хочу никакой прессы на своём празднике, мог бы поучаствовать и настоять! Ах, как же ты похож на своего отца...

Утренние чувства вновь вспыхнули новой искрой, и Клара уже не могла остановиться.

– Перестань говорить глупости, я знаю, что тебе понравится!

– Ты ничего обо мне не знаешь...

Клара повесила трубку. Для неё было нехарактерно так заканчивать разговор – она всегда вела себя воспитанно и сдержанно, но сегодня ни одна мысль и эмоция не была ей послушна, они захватывали и управляли ею. Альберт был завидным женихом в расцвете лет, крепкого телосложения, с великолепным образованием, высокооплачиваемой работой и обеспеченными родственниками, а их отношения за три года доказали свою стабильность и надёжность. По всем внешним факторам и критериям жаловаться было не на что. Многие женщины буквально охотились бы за столь выгодным союзом со всей его стабильностью, престижем и финансовой обеспеченностью. Но Клара была другой. Ей нужно было нести огонёк, во всём. В ней бурлила жизнь. Шаблонное существование, не знавшее даже вкраплений спонтанности, непредсказуе-

мости и шестого чувства, когда всё знакомо, всё имеет лейбл, этикетку, где жизнь не удивляет и нет места созерцанию и чувствительности, было чуждо Кларе. Но, увы, таковы были внутренние обстоятельства отношений Клары и Альберта. Всё это время она успешно примеряла на себя весь этот миропорядок, делала вид, что всем довольна, что, как большинство людей её окружения, наслаждается таким укладом жизни и отношений, в котором варилось общество, где она задержалась последние годы. Но сегодня её внутренняя, ничем не обусловленная буря пробивала скорлупу за скорлупой того согласия и принятия мира, в котором она оказалась по своей воле вместе с его устройством и канонами, пока Клара, наконец, не поняла, что это была не её природа, не её жизненный путь. Она пробовала и старалась заставить себя жить этими ценностями и настойчиво верить в них. Верить, что то, что нравится и подходит для этого окружающего её общества, подойдёт и ей. И вот к ней пришла прозрачная ясность: она другая. Альберт перезвонил через несколько минут, но в эти мгновения Клара отчётливо осознала, что, наконец, принимает себя другой.

– Что с тобой сегодня? – слегка раздражённо спросил Альберт, как только Клара взяла трубку. – Я тебе сюрприз готовлю, а ты трубки бросаешь!

– О каких сюрпризах ты говоришь?! Пригласили поп-звезду или испекли торт с танцующей девушкой внутри? Удивление – это стиль жизни! Как же давно я не чувствовала в своей жизни риск, неожиданность, новизну... – выпалила на одном дыхании Клара, будто требуя всё своё время назад.

– Клара, о чём ты говоришь?! Компания сейчас переживает такой тяжёлый период! – возмущённо произнёс Альберт. – Ты не чувствуешь риска? Это просто смешно: мы каждый день рискуем миллионами долларов, а теперь с изменениями в руководстве ещё рискуем подвести и потерять давних ценных для нас клиентов! Сегодня отличный повод собрать всех вместе, закрепить связи, заверить партнёров, что никаких трудностей у нас нет, представить тебя в новой руководящей должности, ну, разумеется, и повеселиться! Как ты не можешь понять?

Однако Клара уже не могла его слушать. Она знала, что он скажет и зачем.

– Ты не умеешь жить иначе... – вздохнула Клара.

– О чём ты? – недоумевал Альберт.

– Знаешь, я бы просто хотела побеседовать по душам, покурить кальян, побродить у моря... – откровенно призналась Клара, внезапно уйдя в себя.

– У тебя кто-то появился? – строгим, почти угрожающим тоном спросил Альберт.

Клара не сразу ответила.

– А ведь мы действительно говорим на разных языках, – впервые за весь день она говорила размеренно и спокойно. – Альберт, больше так невозможно! Это мой день и мои дни, я не хочу их так проводить. Давай закончим всё это... и между нами тоже!

– В каком смысле? Хочешь закончить отношения? И ты мне это так с бухты-барахты говоришь, в день своего рождения? – возмущённо воскликнул Альберт, не понимая сути и серьёзности эмоционального состояния Клары в эти минуты.

– Да.

– Ты всегда была эгоисткой!

– Именно. Извини.

Клара повесила трубку и замерла на несколько секунд, пытаясь осознать происходящее. Она долго и честно стремилась не сойти с этой дороги, но не смогла. Альберт не был плохим, подлым человеком, но он умел устраивать свою жизнь лишь в обществе, которое было сомнительным для Клары. Это было не её общество, не её стиль и восприятие жизни.

Через пару минут в сумочке Клары вновь зазвенел телефон. И это был не Альберт. Оскар Абрамович звонил долго и весьма настойчиво. Раньше Клара никогда не позволила бы себе так

явно игнорировать своего начальника и будущего свёкра. Но она не хотела или уже не могла слышать ни одного голоса из той жизни. А ведь из дома Клара сбежала с надеждой вернуть всё на свои прежние места, усмирить буйство чувств, может быть, найти в себе компромисс, но всё получилось иначе – звонок Альберта лишь обострил то, что с самого утра уже было вывернуто наизнанку, и она больше не находила в себе сил, кроме как покончить со всем настоящим со всей решительностью и бесповоротностью. После череды настойчивых звонков, оставленных без ответа, Кларе пришло сообщение. Недолго думая, она отключила телефон.

Семья Альберта принадлежала к высокозажиточному классу общества и была известна в светских кругах столицы.

Оскар Абрамович имел блестящую репутацию предпринимателя и деловые связи в разных сферах деятельности. Его профессиональный успех, начало которого пришлось на первую половину девяностых, носил довольно стремительный характер, оставляя за собой лёгкий шлейф недосказанности. Однако профессиональное развитие того периода зачастую имело непредвиденные скачки и падения. Начав совместно с несколькими американскими партнёрами с небольшой фирмы по оказанию юридических услуг, Оскар Абрамович за чуть более десяти лет к 2003 году пришёл к крупной империи Москвы в сфере правового консалтинга с несколькими филиалами в разных странах. Помимо старшего сына Альберта у них в семье была ещё младшая дочь, которая по окончании обучения осталась проживать в Соединённых Штатах, работая в местном филиале фирмы отца.

Капли дождя ударялись о каштановые локоны и скатывались вниз по суровому нахмуренному лицу, на котором внимательному глазу с лёгкостью можно было проследить всё её внутреннее состояние, когда Клара, стоя на перекрёстке, вдруг решительно зашагала через дорогу в левый проулок, решив поискать уютное место, чтобы подкрепиться чем-нибудь горячим.

На удивление всей семьи Клара с самого детства была страстным любителем дождливой погоды. В свои юные годы при наступлении дождя она выбегала на улицу и весело шлёпала по лужам, бегала по ним, приплясывая, а иногда даже терпеливо, по каплям набирала дождевую воду в бутылки, разъясняя всем, что вода «с неба» не может быть простой. Во взрослом возрасте в дождливую погоду Клара любила гулять в одиночестве, а по вечерам смотреть в окно, погружаться в раздумья или читать под шум дождя с чашечкой горячего напитка. Вот и теперь моросил дождь как никогда своевременно, заглушая своим шумом и запахом все углы, неровности и шероховатости безутешного неистового крика. Окружающие суетились, спеша где-то укрыться, Клара же, напротив, нашла, наверное, своего единственного понимающего собеседника и утешителя её внутренних разногласий.

«Как же я не видела, как же я столько терпела эту жизнь, этих людей. Так долго! Какая слепота! Не моё всё это. До тошноты не моё. Не заберут они мой день. Удивительно, у меня есть многое, но совсем нечего терять», – горячо негодовала Клара в своих мыслях, когда дождь всё сильнее окунал её то в возмущённо-негодующие, то в уныло-чахнувшие оттенки её прошедших дней.

В тот момент случилось так, что впервые за долгое время она заплакала. Украдкой, безутешными, тихими хлопьями слёз. О своих воспоминаниях, пронёсшихся перед глазами как открытая книга, о себе самой, неистово ищущей своей планеты посреди всего хаотического беспорядка, о так мгновенно и непредвиденно разбитой оболочке её миропорядка.

Запах кофейных зёрен, свежей выпечки и уютный внешний вид помещения заманили плутавшую в мыслях Клару заглянуть внутрь изящно оформленной в стиле ар-нуво кофейни-пекарни, расположенной в тихом местечке на Чистых прудах. Там было немногочисленно; приглу-

шённый свет и изысканноэлегантный интерьер создавали обстановку таинственности и несомненно внушали всякому посетителю приподнятое праздничное настроение, так что даже Клара, усаживаясь за удобный столик возле красивой резной лестницы с открывающимся видом на промозглый дождливый вечер, вспомнила о своём юбилее.

Проголодавшиеся глаза Клары, тщательно изучив изобилующее разными лакомствами меню, остановились на горячей ухе на первое, блинчиках с икрой и любимом слоёном торте с грецкими орехами на десерт. Мысли о свежей вкусной пище немного заглушали внутреннее буйство эмоций, однако отторжение от реальности своей же жизни по-прежнему било в колокола, не давая сознанию чувства покоя. Клара с завидным аппетитом расправлялась с блинчиками, когда откуда-то поблизости, будто в самом низу лестницы, стали отчётливо доноситься крики с громким аккомпанирующим фоном джазовой импровизации на фортепиано, заметно нарушающие приглушённую элегантно-эстетическую ауру кофейни. Гости, занимавшие соседние от Клары столики, недовольно переглянулись, но тотчас как бы из ниоткуда взявшийся официант, извинившись за шум и причинённые неудобства, подбежал к лестнице и плотно закрыл дверь, загадочно ведущую на нижний, подземный этаж. Вот только какие-то секунды донёсшихся до Клары звуков фортепиано успели разжечь в ней любопытство, и, когда официант принёс десерт, пользуясь случаем, она вежливо осведомилась о происходящем на нижнем этаже. Как оказалось, в подземной части помещения располагались джаз-бар с живой музыкой и зал для проведения мероприятий, который в этот день был на весь вечер приватизирован. Клара почувствовала почти необходимость что-нибудь выпить, поэтому, проглотив последний кусочек любимого десерта, она переместилась в бар с желанием послушать музыку и пропустить бокальчик чего-нибудь покрепче.

Помещение в подвале было оформлено в готическом стиле и разделено одной небольшой перегородкой на два просторных зала с высокими потолками, предназначавшихся для бара и проведения различных мероприятий с просторной танцевальной площадкой. Клара присела за барную стойку первого зала и заказала себе бокал martinis. Пианино находилось на стыке двух залов, поэтому вся фоновая музыка бара заглушалась прежней джазовой фортепианной импровизацией, которую исполнял мужчина в элегантном костюме, по всей вероятности, участник мероприятия соседнего зала. Клара вслушалась.

С раннего детства она любила уединяться и погружаться в собственный мир, средством выражения которого была музыка, служившая до сих пор одним из самых сокровенных способов выражения её чувств и эмоций. Несмотря на сделанный выбор в пользу другой карьеры, тяга к этому искусству всегда жила в ней и особо остро проявлялась в такие моменты, как сегодня, в день её рождения, когда организованной, тщательно спланированной вечеринке она предпочла свою импровизацию.

Кроме Клары в баре сидели две пары, а вот соседний зал, который гремел и изливался весёлыми возгласами и джазовой музыкой, был переполнен гостями до такой степени, что, казалось, некоторые приглашённые скоро смело оккупируют и часть бара. В какой-то момент музыка стихла; каждый занял своё место за столиками, и Клара увидела счастливых молодожёнов – беспечных, молодых, упивающихся жизнью и крайне увлечённых всем, что происходило вокруг. На их лицах безошибочно считывалась та наивность взгляда, та необременённость выбором и жизненными обстоятельствами, которую когда-то знала и Клара, с неопытными стремящимися к успеху и ко всему новому глазами ступая в жестокий мир общества пафоса, расчёта, лицемерных людей и предсказуемых театрализованных мероприятий. Кто-то из гостей довольно долго произносил тост, обращаясь ко всей семье молодожёнов, однако из бара едва можно было разобрать слова. Клара заказала у бармена бокал martinis и, показав жестом руки, что присоединяется к тосту незнакомых ей людей, выпила залпом за всё то, что творилось у неё на душе, что смогла оставить позади, за интересную, наполненную сюрпризами жизнь и за своё долгое, извилистое и такое неопределённое тридцатилетие.

Едва речь гостя была окончена, как все внезапно засуетились и начали вставать из-за столов; девушки вышли на танцевальную площадку и разместились настолько плотно друг к другу, что уже нельзя было разглядеть, что происходило за столами. Между тем не успела Клара задуматься о том, что бы всё это могло означать в праздничной программе мероприятия, как роскошный, пышный букет из кремовых роз и белых орхидей сделал высокое, почти профессиональное сальто, перелетел перегородку, отделявшую два зала, и аккуратно приземлился на пол, перед барным стулом Клары, практически у её ног. Опешив от изумления, Клара разулыбалась от такого искусного манёвра букета, но когда стоящие в толпе девушки стали оборачиваться в сторону бара, она незамедлительно отвернулась к барной стойке, чтобы остаться незамеченной для гостей праздника и не помешать им насладиться старым добрым обычаем. Букет достался самой крайней из толпы девушке, которая впопыхах подбежала к барному стулу Клары, что-то радостно выкрикивая наблюдающим за ней другим женщинам.

«Надо же, какая мгновенная реакция на мой тост за молодожёнов! Только загадала, что хочу, наконец, хоть чему-то удивиться в этой жизни, – и вот, ждать себя не заставило: чудеса какие-то!» – подумала про себя Клара, заказывая свой второй бокал martini.

Празднество новобрачных, по всей вероятности, началось не так давно, поскольку появился тамада и все дружно отвлеклись на конкурсы и выкуп невесты. Клара взглянула на часы – было начало седьмого. Только что где-то сорвалась её собственная вечеринка. Но теперь уже она знала наверняка: будь она сейчас там, с ними, вечеринка сорвалась бы и для неё. Последняя мысль вдохновила Клару на стопку коньяка, после чего, поинтересовавшись у бармена, было ли фортепьяно зарезервировано для свадебного мероприятия или же служило для общего пользования, она, не дождавшись ответа, направилась туда, куда её тянуло и влекло.

На протяжении уже более шести лет, с момента последнего конкурсного концерта, который и подвёл Клару к жизни в столице, за исключением редких, нерегулярных музицирований дома и нескольких выступлений на вечеринках, когда её просили развлечь публику, она не играла и не занималась музыкой профессионально, полностью посвятив себя карьере.

Едва дотронувшись до клавиш, она ощутила их магнетическую силу – ноты властно потянули её к себе. Острая ностальгия по своей музыкальной природе стремительно нахлынула на Клару, и в один миг вспомнились те времена, когда она проводила дни и ночи за этюдами, заучиванием и отработкой произведений, подготовке к выступлениям и конкурсам. Те благодатные времена, когда музыка была частью жизни, прибежищем и влияла на все её сферы. Клара попыталась без напряжения что-нибудь вспомнить на память, и первое, что с уверенностью нащупывали её пальцы, был Бетховен и его Лунная соната. Вначале она старалась играть негромко – не только, чтобы не мешать гостям с их мероприятием, но также и из-за неуверенности в том, насколько хорошо сможет вспомнить произведение. Лунная соната была не совсем в унисон торжеству, свидетелем которого по чистой случайности оказалась Клара, но с какой тонкостью и точностью она «опевала» то её состояние, которое вопреки собственной воле в этот день так буйно воевало со всей окружающей действительностью! За сонатой последовал Стравинский – пальцы уже разогрелись и освоились на незнакомом инструменте и, казалось, не могли остановиться: её тянуло к клавишам, а они беспрекословно ей повиновались. Далее звучал Бах, композитор, чьи произведения она никогда не исполняла на выступлениях и конкурсах, поскольку они всегда давались с трудом – не то настроение, не та эмоция, отсутствие характера. И, наконец, прогремели глубоко прочувствованные «Порыв» и «Наваждение» из пьес Прокофьева, которые, казалось, всецело поглотили Клару и увлекли за собой туда, где не существовало стен, людей и событий. Она уже не знала, громко ли играет или тихо, вписывается ли её импровизация в программу мероприятия или нет – всё, что происходило вокруг, было для Клары незаметным, неважным, мелким: в зале присутствовала лишь она и Прокофьев, тот самый, который был единственным средством излить, огласить и как-то понять все её

чувства и противоречия. Звучал не только инструмент, через Стравинского, Бетховена, Баха, Прокофьева звучала и она сама, во всей своей ауре из переливов и борений её обострённых чувств. Как же много ей было что сказать! Это была её исповедь, певучая, кричащая и такая необходимая исповедь, где ярко звучали все сомнения, негодования и смятение, с которыми она ещё утром выбежала из дома, не зная ни что с этим делать, ни куда ей идти. Казалось, она плыла на волнах музыки, пока эта буря, этот шторм не отбушевали, а её корабль не вернулся в тихую гавань забытых эмоций.

Когда последний «Порыв» Прокофьева проигрывал свои финальные аккорды, Клара, будто вернувшись к действительности, заметила растущую на клавишах тень и обернулась – вокруг неё полукругом стояли гости свадьбы и внимательно и молча слушали. Надвигающаяся тень принадлежала тамаде праздника, который, как только музыка утихла, официально поблагодарил её за трогательное выступление и шёпотом поинтересовался, по чьему заказу она пришла, поскольку в его официальной программе мероприятия подобных номеров якобы не предполагалось. Ничего не ответив, Клара извинилась и направилась к лестнице. Перед выходом она взглянула на часы – было начало восьмого, а это означало, что Клара проиграла около двадцати минут, хотя ей показалось, что не прошло и пяти.

«Я убежала со своей вечеринки, чтобы попасть на чужую, но при этом будучи абсолютно свободной», – подумала она про себя, выходя из кофейни.

Дождь стих, на улице уже стемнело. Оглядевшись по сторонам, Клара, будто придя в себя, только теперь осознала, как далеко ушла от своего дома: вечерний час с завидной беспечностью изливался озорным шумом Чистопрудного бульвара; местные кафе и рестораны ломились от веселья уставших от рабочей недели посетителей; мимо степенно выхаживали нарядные прохожие в предвкушении театрального вечера. Клара на своё удивление находилась в пятнадцати минутах ходьбы до того самого отеля на Лубянке, где сейчас должно было проходить её мероприятие. Возвращаясь к реальности, она понаблюдала некоторое время за происходящим вокруг и решила поехать домой на такси. Дорога в обратном направлении прошла более целенаправленно и спокойно – страх, что возвращение в прежнюю обстановку пробудит в ней утренние эмоции, ушёл, а на его месте появилось весьма непривычное ощущение лёгкости и странная уверенность в будущем, каким бы смутным и неопределённым оно на тот момент ни казалось. Однако возвращаться всё же не хотелось – как будто прежняя жизнь устраивала всех, кроме неё. Она задумчиво смотрела на вспыхнувшую вечерними огнями Москву в окно молчаливого такси и вспоминала весь прошедший день, который на тот момент измерялся вечностью, вонзившись во всю сущность Клары. Ей вдруг стало бесконечно посторонне то, что до этого повседневно занимало её настоящее.

«Как же там пахло притираниями, интригами, изобилием и вечной пользой! Почему я не бежала оттуда раньше? Что меня там манило или держало? Я же ненавидела этот мир двойных смыслов, блестящих репутаций и недосказанных слов! Сейчас же я противна сама себе за свою былую беспринципность и слепоту».

Нужно было что-то менять – весь этот прожитый день стал тому подтверждением. На большую часть практических вопросов ответа не находилось. Всё выглядело в контрастных чёрно-белых тонах: либо вернуться назад, либо прыгнуть в неизвестность. Но сегодня Клару вёл инстинкт, дикий, неотёсанный природный инстинкт чистых эмоций и ощущений.

Когда Клара открыла дверь, кот Сильвер, оставленный на весь день в одиночестве, без порции внимания и ласки, демонстративно запрыгнул на полку с посудой в прихожей, где обычно ему запрещалось бывать, и недовольно замахал хвостом. Прежняя обстановка, которую утром она не могла выносить, веяла всё тем же неприятием.

«Прости, Сильвер, я знаю, что ты здесь скучал один, но мне так был нужен этот день!» – сказала Клара, вытаскивая для него большую рыбину из морозильной камеры. После этого она, наконец, подмела разбитое в комнате стекло и с завидным рвением быстро собрала всё напоминавшее былую жизнь и старые привычки, что давно следовало выбросить: в мусорку летели старые ковровые дорожки из Турции, заношенные вещи, гора фотографий, чуть треснувшая посуда, неудобная, набившая не одну мозоль обувь, кипа рабочих бумаг и даже некоторые ёлочные игрушки. Расправившись с непредвиденной уборкой, с самодовольным облегчением Клара закинула пару вещей в небольшую дорожную сумку, взяла документы, ключи, Сильвера и постучалась к соседке.

На лестничной площадке напротив квартиры Клары проживала одинокая женщина лет пятидесяти. Десять лет назад у неё умер муж, и больше выходить замуж она не желала, детей также не довелось заиметь. Она была добрым, честным и разносторонним человеком, и с Кларой их связывали давние, тёплые отношения. Валентина всю жизнь проработала в книжном магазине, хорошо разбиралась в литературе, а также была заядлым любителем-травником, поэтому Клара любила заходить к ней пару раз в неделю не только за приятной беседой и дельным советом по поводу стоящих литературных новинок, но также и затем, чтобы продегустировать её чудеснейшие снимающие напряжение и усталость завары облепихи, мелисы и других редких трав, о которых она никогда не слышала. Вот уже несколько лет они вместе ездили отдыхать на квартиру Клары в южном Крыму, расположенную у самого моря, на пасхальные выходные – единственный праздник, который Клара отмечала без Альберта, поскольку его семья не исповедовала православие.

– Валентина, это я! – произнесла Клара, когда приоткрылась дверь.

– А, привет, Кларочка! Ты куда пропала? Альберт с отцом заезжали, о тебе осведомлялись! Но что-то выглядели немного не в духе, – добродушно заметила соседка.

– Ну, это неудивительно! – с загадочной ухмылкой ответила Клара. – Надо же, даже вдвоём заехали!

– Ой, а ты веселенькая! – оживлённо воскликнула соседка, намекая на заметно подвыпившее состояние Клары. – С юбилеем тебя, дорогая! Я думала, что ещё утром забежишь, чокнешься со мной, такая дата как-никак!

– Мы с тобой ещё обязательно посидим и отметим, обещаю!

– А что ты с Сильвером? Уезжаете, что ли, куда? Сразу после вечеринки? – удивлённо воскликнула Валентина, перебивая Клару.

– Вечеринки не будет, я порвала с Альбертом, – со спокойным равнодушием сказала Клара.

– Как? В свой день рождения? – с удивлением в глазах и лёгкой улыбкой спросила Валентина.

– Да, сегодня с самого утра меня одолело какое-то отторжение ко всему! – таким же равнодушно-отстранённым тоном воскликнула Клара. – Может, и неправильно, но я сейчас не могу по-другому.

– Правильно и очень вовремя! – Валентина снова улыбнулась. – Я тебе говорила, что с мужчиной женщина должна светиться, а ты угасала – я видела!

– Я поеду попутешествовать немного. Мне надо отвлечься, подумать обо всём... Можно я оставляю тебе Сильвера на недельку-другую? – сказала Клара, не желая вспоминать о её прошлых отношениях.

– Конечно! Тебе давно пора сменить обстановку! – воскликнула Валентина, вновь не сдерживая улыбки. – Ну а юбилей всё же надо было отметить!

– А я отметила, только по-своему! – сказала Клара и многозначительно посмотрела на соседку.

– Вот и замечательно! Только будь аккуратна в дороге! – наказала подруга.

– Спасибо, очень выручаешь! Мне сейчас правда надо уехать. Ах да, чуть не забыла, я оставлю тебе вторую пару ключей на всякий случай, только Альберту, пожалуйста, скажи, если будет спрашивать, что ты не знаешь, где я, – пояснила Клара.

– Не переживай и хорошо отдохни, я и почту за тебя получать буду, и цветы полью!

– Мария, как прежде, будет приходить раз в неделю убирать квартиру, у неё свой ключ. Ладно, я побегу, хочу успеть на ночной поезд!

– С Богом!

– Валечка, спасибо! Дай тебя обниму напоследок.

Добравшись до площади трёх вокзалов, Клара без лишних раздумий выбрала Ярославский вокзал и с небывалым энтузиазмом в глазах ринулась к кассам, всё ещё не имея представления, в каком направлении сложится её дорога. Впрочем, в эту минуту это было для неё мало-значительным, второстепенным: она не могла себе представить, что ещё хоть на час задержится в своей привычной жизни, прежнем обществе и быту, – одна эта мысль мгновенно погружала в состояние отрицания, вызывая при этом необоснованное отторжение, вплоть до тошнотворного чувства. Впрочем, выбирать направление вовсе не пришлось: до отправления последнего ночного поезда, который следовал до Владивостока, оставалось десять минут. На радость Клары ещё оставались места в купейном вагоне. Без всякого колебания она попросила билет до конечной станции, ничуть не беспокоясь о том, что до Владивостока целая неделя пути.

– Девушка, заранее нужно приезжать на поездки дальнего следования, мы за пять минут до отправления уже всё закрываем, – заметила проводница, проверяя паспорт опаздывающей пассажирки.

– Простите, я знаю, но обстоятельства никак не отпускали раньше, – выкрикнула счастливая Клара, нырнув в вагон.

– Понятно, видимо, запраздновались сегодня и вышли в последний момент. С днём рождения вас! – усмехнувшись, выпалила проводница, протягивая паспорт.

– Спасибо! Вы правы, давно я так ничего не отмечала, даже слишком! – радостно прокричала Клара.

«Какой невероятно нужный выдался денёк!» – подумала Клара, устраиваясь в уютном пустом купе, когда послышались гудки, поезд дёрнулся и тронулся в путь.

Глава II

В путь

Поезда хороши тем, что здесь можно делать всё то, на что в обычные будни непросто найти время или что с трудом обуздывается волей. При этом всякая деятельность тут приносит гораздо большее удовольствие. Можно оправданно ничего не делать и совсем не чувствовать вины за зря потерянное время. Или же воспользоваться благоприятной обстановкой и исследовать все приходящие думы и наблюдения, которые плавают как в бездонном океане, требуя свежего улова. В поезде Клара всегда любила заниматься в основном последним, хотя и остальная деятельность принимала в дороге скорее форму медитации, нежели привычного рутинного порядка.

Ясным ранним утром Клара проснулась в купе полупустого вагона со странным ощущением, что находится именно там, где должна быть. Голова ноющей тяжестью смутно напоминала обо всех похождениях и лихих решениях, которые накануне подвели её к вокзалу и посадили в поезд, о направлении которого с утра пораньше она с трудом могла что-то припомнить. Ещё не успев осмотреться и освоиться в незнакомой среде, она уже интуитивно знала, что это было единственное место, которое могло её успокоить и как-то примирить со своими мыслями, где можно было тщательно и неторопливо разобраться с накопленным грузом противоречий и сомнений, которые уже не терпели отлагательств. Состояние внутреннего протеста и негодования, которое ещё накануне так поглощало Клару, ушло и сменилось на созерцательную задумчивость и отрешённость. Подсознательно она чувствовала, что лишь здесь, в дороге, в условиях умолкнувшего ритма времени, она могла отойти от кризиса вспыхнувшего сопротивления и несогласия со своей жизнью, с её планомерным ходом и, возможно, найти для себя какие-то ответы и решения.

Клара вышла из купе и огляделась – пассажиры беспорядочно расхаживали по вагону: одни толпились в очереди, чтобы освежить сонный вид утренними процедурами; другие спешили за кипятком в надежде разогреть свои ещё дремлющие умы; третьи же – вновь зашедшие на последней станции – суетливо протискивались в поисках нужного купе, раздражая встречную очередь своими борсетками и саквояжами. Все в это утро, казалось, знали наверняка, куда держат путь – к бабушкам, сёстрам, любимым, семье, на дачу и на службу Родине. Клара, напротив, наблюдая за окружающими, застенчиво осознала, что для неё поезд служил не столько средством, сколько назначением, надеждой хоть как-то укротить раздражающий на части внутренний протест. Решив обождать с разогревом ума и утренними купальными процедурами, пока не разойдётся очередь, Клара разместилась возле окна своего купе и стала наблюдать за мелькающей другой жизнью или, скорее, жизнями, которые не ждали, не замедлялись, а неслись мимо, пролетая перед глазами сёлами, лесами, городами и государствами, дружно усмиряя всё буйство рвущихся наружу эмоций негодования и смятения.

Впервые в жизни Клара ехала на поезде, смутно представляя место назначения и вообще цель этой поездки. По собственной воле она очутилась на перепутье оставленной позади жизни и неопределённого будущего, фундамент и опора которого были разрушены ей же самой. Возврат к прошлому укладу вещей для Клары уже не представлялся возможным не только в отсутствие каких-либо для этого сил и даже слабого желания, но также и как результат прошедшего дня, который оставил множество, как оказалось, уже неизгладимых следов.

Протяжные звонкие гудки оповестили о прибытии на очередную станцию, и всё, что недавно так сказочно и мелодично проносилось мимо, вдруг замерло, предложив Кларе сойти на перрон и запечатлеть отрезок проплывающей жизни в её статичной панораме.

Местные торговцы с уверенностью расхаживали по привокзальной территории, навязывая путешественникам различные кушанья, изделия и памятные сувениры. По окончании получасовой экскурсии по незнакомой местности и ознакомления с широким ассортиментом региональной продукции Клара приобрела резной магнит-подкову на удачу, деревянную шкатулочку для украшений ручной выделки и килограмм конфет на медовой патоке к чаю. Когда до отправления поезда оставалось не больше десяти минут, Клара ринулась к своему вагону со всеми покупками, теперь уже настроенная на утренние процедуры и разогревающий ум кипяток. Вагон всё ещё был заполнен лишь наполовину, а купе она по-прежнему довольствовалась в одиночестве. Утренняя суета, шумная неразбериха утихли, и Клара, умывшись и рассмотрев купленные сувениры, приготовила кофе и принялась завтракать. В поездах любая еда обладает особым вкусом и большой ценностью не только оттого, что добывать её здесь весьма непросто (в особенности для гурманов, вегетарианцев, нетолерантных к глютену, лактозе и вроде того), но также и потому, что каждый приём пищи в поезде имеет больше значения, смысла и наполненности, чем в повседневной жизни, где даже лапша быстрого приготовления может стать полноценной неторопливой трапезой в духе французских традиций.

Тело Клары всё ещё маялось и ныло от похмелья сверлящим напоминанием о вчерашнем дне с его чередой опрометчивых и необычайно смелых поступков. Желая как-то отвлечься от мыслей о звенящих событиях минувшего дня и отложить назревшие думы, Клара решила прерваться на чтение. Постоянное движение, лёгкое укачивание и ровный ритм стука колёс вводил всякого книжника-любителя практически в состояние, близкое к трансу, раскрывая со всей простотой и изяществом секреты межстрочного смысла. Клара достала из сумки роман Владимира Орлова, который беспризорно лежал в кармашке её дорожной котомки уже не один месяц, ожидая своей очереди среди множества занятий и развлечений, которые могли прийти на ум в отпуске или командировке. Однако для чтения, как правило, либо не оставалось времени, либо компания её теперь уже бывшего мужчины в отпусках к этому занятию совсем не располагала. Клара удобно разместилась на полке и, пользуясь тем, что купе было по-прежнему в её единоличном распоряжении, мгновенно погрузилась в чтение.

Литературная идиллия, продолжавшаяся не больше двух часов, была нарушена сначала постучавшей в дверь проводницей, внезапно наведавшейся с настойчивым предложением изучить меню вагона-ресторана ввиду предстоящего обеда, и последовавшей затем нарастающей суматохой среди большинства пассажиров, готовящихся к выходу на ближайшей станции крупного города. Чемоданы, баулы и рюкзаки сыпались на головы с верхних полок; в коридор вдруг шумно вывалились дети и собаки; протиснуться в уборную или приготовить себе обед не представлялось возможным, поэтому Клара закрылась в своём купе и решила подождать отправления. На станции набилось больше полувагона. Она достала из сумки телефон, чтобы посмотреть время, но позабыла, что он оставался выключенным ещё со вчерашнего дня. С неприятием на лице Клара издала негромкое презрительное фырканье, на мгновение представив количество пропущенных звонков, сообщений и вопросительных знаков, которые мог бы сейчас поведать её телефон, и положила его обратно в сумку.

Отогнать прочь свои взбудораженные мысли было сложнее: они невольно уносили её к тому, что произошло накануне; в воздухе мучительной неизвестностью витали тягостные думы о том, зачем она в одночасье оставила позади столько прожитых лет жизни. Должно быть, Клара ещё не до конца осознавала все предстоящие перемены, на которые днём ранее сама себя обрекла, не задумываясь о последствиях, а лишь следуя импульсу и переполняющим её эмоциям, на тот момент занимавшим всё внутреннее пространство. Разрыв долгих отношений означал и последующее увольнение, ведь директором компании, где она работала в настоящее время, был её будущий свёкор, а столь внезапный, ничем не обоснованный срыв вечера, куда были приглашены именитые и важные гости, несомненно, сулил испорченную репутацию на карьерной лестнице (ее свёкор и одновременно начальник, Оскар Абрамович, оскорблённый

поведением невестки и позором перед приглашёнными, непременно бы об этом похлопотал!), поэтому стоило включить в планы также и переезд в другой город. С другой же стороны, позволить себе дальше продолжать жить с человеком, отношения с которым были всего лишь безветренной степью, предсказуемым поверхностным механизмом, лишённым всякого проявления жизни и острых чувств, которые когда-то знала Клара, и работать в сомнительном обществе, проводя время в окружении лицемерия и расчёта, она больше не могла. Все эти мысли вертелись в её голове, требуя анализа, переосмысления и решений, разбивающихся об айсберг неопределённости и страха начинать всё заново.

В попытке побега от нескончаемого потока мыслей Клара решила утолить свой настойчиво урчащий от голода живот и прогуляться до вагона-ресторана, который располагался в самой голове состава, чтобы подкрепиться чем-то горячим, а заодно узнать о наличии травяных отваров от всё ещё ноющей головной боли после походов вчерашнего дня. Выходя из вагона в тамбур, Клара наткнулась на полное расписание следования поезда – чрезвычайно длинный список в более ста пятидесяти станций, который заставил её озадачиться своим направлением и вызвал любопытство и желание остановиться, чтобы внимательно изучить весь маршрут. Клара вынула из кармана своего пиджака помятый билет, который, к её изумлению, указывал на самую конечную станцию прибытия из этого списка – Владивосток. С шальной головой, в несвойственном ей расположении духа и буквально хмельном состоянии Клара запрыгнула накануне в ближайший поезд дальнего следования в надежде убежать как можно дальше от всей своей жизни и своего окружения, даже не обратив внимания на его направление или не придав этому значения. Теперь же она будто очнулась и начала осознавать бессмысленность своей поездки, поражаясь не только своей спонтанной решительности, но и маршруту поезда, который, как предполагалось, должен был прибыть на конечный пункт назначения лишь через семеро суток, пересекая при этом семь часовых поясов с протяжённостью около десяти тысяч километров.

В поездах дальнего следования время незаметно исчезало в пучине постоянного движения, без промедления терялось в проносящихся местностях, в силу чего люди не придерживались чёткого распорядка приёмов пищи, а беспорядочно кусочничали, ублажая не только свои желудки, но и затерявшиеся во времени мысли. Несмотря на давно прошедший час обеденного перерыва, ресторан был наполнен людьми и несвойственной другим вагонам атмосферой степенности и благородства. Официанты в элегантных тёмно-фиолетовых фартуках ненавязчиво мелькали с подносами, не создавая при этом никакого чувства суматохи и загруженности. Клара выбрала столик и стала изучать меню – глаза стремительно передавали воображению разнообразные образы с лакомыми блюдами, подавая сигналы преувеличенного голода. Сдавшись на волю чувств, она решила изменить изначальные намерения и плотно пообедать. Клара сделала заказ и осмотрелась: люди говорили негромко, и, к её удивлению, четверть занятых столиков заполняли такие же одинокие, как она, путешественники. Взгляд Клары, выказавший неожиданный интерес, на несколько мгновений задержался на соседнем столике по правую руку, где лежала с виду уже отслужившая своё толстая книга с ярким изображением, на которое она весьма неприлично уставилась.

– Это Новалис, «Генрих фон Офтердинген». Только вот дочитала, практически с утра здесь сижу. Если желаете, возьмите – почитаете на досуге, я всё равно до конечной станции еду! – сказала хозяйка книги, сидевшая за соседним столиком.

Клара оторвала глаза от книги и посмотрела на женщину. Внешне она выглядела ухоженной, интеллигентной и весьма обаятельной, на вид, лет шестидесяти.

– Нет, спасибо. Это я не на книгу так бесцеремонно засмотрелась, а на изображение сверху! – пояснила Клара, чувствуя неловкость за своё бестактное поведение.

– А-а-а, это просто закладка с картиной Кандинского – давний подарок от одного знакомого-путешественника, – пояснила женщина, показывая Кларе изображение ближе.

– До того красиво, что завораживает! Так много линий и разных фигур, но ни одна не соединена! Похоже на моё нынешнее состояние, – заметила Клара с долей самоиронии и, вглядываясь в детали картины, добавила: – Всё-таки на некоторые полотна абстракционизма можно смотреть множество раз и каждый раз черпать при этом новые эмоции и ощущения!

Женщина многозначительно улыбнулась в ответ. Тут подошёл официант и принял у Клары заказ. Ей вдруг стало любопытно узнать, какой тип путешественника, тем более что это зрелая женщина, разъезжает вот так, в одиночку, и куда может держать путь, и она продолжила разговор:

– Извините, что-то я разоткровенничалась! А вот книжечку вы, видимо, уже не один раз открывали! – сказала Клара, указывая на всё того же Новалиса.

– Точно! Вид у неё такой, как выглядел бы и автор, доживи он до наших дней! – Женщина весело улыбнулась и продолжила: – Всегда её читаю, когда хочу поднять себе настроение!

– Никогда не читала Новалиса! – с лёгким сожалением воскликнула Клара.

– Вечный непринуждённый романтик – он долго ожидал своего прочтения. С ним жизнь легче меняет свой цвет.

– А о чём эта книга? – поинтересовалась Клара.

– Достаточно занимательная история, особенно хорошо идёт в дороге, лёгкий, играющий слог, одновременно преисполненный глубиной и значимостью. Волнующие и отважные приключения героя во время его путешествия на родину. Книга с ярким продуманным сюжетом, которая не имеет конца. Всегда её читаю, когда нахожусь в длительных поездках.

Пока женщина нахваливала прочитанную книгу и её автора, Клара вновь невольно остановила взгляд на изображении. Станным образом ей было внутренне отраднo и любопытно смотреть на картину, где-то даже успокаивающе. Женщина, заметив, что будоражило внимание Клары, передала изображение ей в руки.

– Я бы отдала вам закладку, но, к сожалению, она подписана, – сказала она.

– Нет-нет, я хотела лишь рассмотреть: такой явный хаос на картине, но при этом всё так слаженно – все эти линии и фигуры, – воскликнула Клара, восхищённо разглядывая изображение.

– Как и жизнь любого по-настоящему творческого человека – созвучие и соучастие хаоса и порядка.

– Наверное, интересная мысль, – робко произнесла Клара. – Я немного изучала искусство, но близко с творчеством Новалиса и Кандинского не знакома. Какое упущение!

Разговор собеседниц прервал официант, который принёс Кларе ароматную солянку на первое, а также овощной салат и блинчики с творогом. Запах супа напомнил Кларе о давно разгулявшемся аппетите.

– А вы далеко держите путь? – поинтересовалась женщина, продолжив беседу.

Клара, застигнутая врасплох столь адекватным ситуации вопросом, с колеблющимся, немного растерянным видом посмотрела на собеседницу, мешкая с ответом. Разумеется, она знала название станции назначения, указанное в её билете, и направление поезда, которое менее часа назад она изучила с вниманием и интересом, однако в этот момент чёткого ответа не пришло, быть может, оттого, что сама цель поездки была по-прежнему не определена.

Женщина выдержала небольшую паузу и, не заставив собеседницу вступить в неудобное положение, опередила Клару:

– Да, наверное, иногда важнее знать, как мы проводим время на своём пути, нежели куда идём, – иногда смысл в самой дороге! – риторически предположила женщина, спасая Клару от неловкого молчания. – Вы из какого вагона?

– Из второго, – уверенно сказала Клара, зная хоть что-то наверняка.

– Ну, тогда, наверное, вы с нами ненадолго, – заявила женщина, незаметно окидывая взором свою новую знакомую.

– Почему же? Я взяла билет до Владивостока, – теперь уже с решительностью заявила Клара.

– Надо же! Это вагон экономкласса, куда обычно садят пассажиров, которые едут на достаточно короткие дистанции, внутри региона или одного часового пояса, оттого там всегда много суеты, может, вы заметили?

– Да, действительно, в моём вагоне и впрямь много текучки. Купила билет перед самым отправлением – наверное, мест в других вагонах просто уже не было в наличии.

– Да уж, суетно у вас будет – до конечного пункта назначения ещё шестеро суток! – с лёгким сочувствием произнесла собеседница. – Я уже восьмой раз еду по этому маршруту и хорошо тут всё успела узнать.

– Ничего себе! Наверняка туда летают самолёты, хотя я сама бы так же предпочла поезд – в самолёте не чувствуется это ощущение затерянности во времени, как в поездах дальнего следования, – с некоторым восхищением заметила Клара.

– Особенно по направлению Москва – Владивосток, – с улыбкой заметила женщина. – Ведь семь часовых поясов пересекаем! Я во Владивостоке обычно дней пять привыкаю ко времени.

– Угораздило же меня сесть на этот поезд! Честно говоря, купила билет на последний и единственный ночной поезд, даже не обратив внимания на его направление.

Клара интуитивно почувствовала доверие и искреннюю расположенность к своей собеседнице, позволяя себе некоторые откровения. Женщина взглянула на Клару, сделала глоток из чашки и деликатно заметила:

– Иногда нужно менять обстановку, это может действовать на нас весьма оздоравливающе – лучше видится вся жизнь со стороны, со всеми её нюансами!

– Вы думаете? – Женщина с пониманием кивнула головой. – У меня дела обстоят похуже: я просто сбежала из своей жизни, внезапно и совершенно безответственно.

– Ну, это уж время решит, ответственно вы поступили или нет, – с доброй улыбкой на лице сказала женщина, забавляясь выводами ещё юной в её глазах Клары.

– Никого не предупредив... – продолжала Клара. – Вы знаете, я ни с того ни с сего вдруг почувствовала себя в какой-то ловушке, причём во всех аспектах своей жизни. Странное ощущение – всё чуждо, и ничего тут не поделаешь, никуда не выкинешь!

– Скорее всего, я бы поступила так же, как и вы! В дороге часто случается множество интересных и развивающих нас вещей.

– Да я, собственно, даже не знаю, зачем я туда и еду, – тяжело вздохнула Клара. – Так, город посмотрю, отвлекусь.

– Путешествие по самому длинному железнодорожному маршруту в мире может привести вас и к ответам на некоторые вопросы, а, возможно, и к каким-то неожиданным открытиям. Со мной уже не раз так выходило!

Клара замолчала. Она задумалась о словах своей собеседницы, которые на удивление полностью оправдывали её непонятное ей же самой поведение и во всей этой неизвестности внушали надежду.

– Не желаете блинчика с творогом на десерт к вашему чаю? – через некоторое время спросила Клара, когда официант принёс десерт.

– Нет, благодарю вас, мне уже нужно возвращаться в своё купе. Однако позвольте мне оставить вам Новалиса. Дорога долгая, а я его прочла уже достаточное количество раз!

– Нет, ни в коем случае, он вам дорог, я знаю. По возвращении обязательно что-нибудь приобрету, – категоричным тоном сказала Клара. – Я сегодня начала читать Орлова, книга довольно толстая, так что есть что почитать. Спасибо.

– «Альтист Данилов» – прекрасное произведение, отличный выбор! В таком случае заходите ко мне сегодня после девяти на бокал вина. Прибудем в Балезино – там долгая стоянка,

у вас будет выходить и заходить много народа, а у меня тихо! – Женщина поднялась со стола и протянула Кларе руку: – Фаина Андреевна.

– Клара. Очень приятно.

– Какое красивое у вас имя! Удивительно, как оно вам к лицу! – заметила собеседница, добавив: – Я в восьмом вагоне. Третье купе с вашей стороны. Хорошего вечера!

– Спасибо, хорошего вечера и вам, Фаина Андреевна!

Оставшись наедине с собой, Клара расправилась с блинчиками и заказала ещё чашечку чая, созерцая плывущие в окне ландшафты и селения. Удивительным образом случайная знакомая, Новалис и изображение Кандинского произвели весьма загадочный эффект, оставили свой след в её мыслях. Они ритмично мелькали и пестрели в голове Клары снова и снова, вселяя новое чувство доверия и надежды. Этот весьма короткий, но насыщенный эпизод пробудил в ней желание погрузиться в искусство. Ведь что, как не искусство, так способно обновлять мысли, залечивать раны, отвлекать от суеты и приводить к новым осмыслениям?! Наконец, было найдено самое главное – направление и цель всей поездки! Знаменитый музей, вобравший в себя вековые богатства шедевров мирового искусства, был всё ещё не знаком Кларе, несмотря на уже довольно долгую жизнь в столице, откуда не составило бы особого труда отправиться в культурный отпуск в красивейший город на Неве. Однако из-за рутинной занятости и равнодушия Альберта к искусству всякий раз приходилось откладывать. И вот, представляется чудная возможность осуществить своё давнее желание посетить Эрмитаж, а также зарядить себя энергией творчества. Воодушевлённая и полная решимости, Клара расплатилась за заказ и почти вприпрыжку направилась назад в своё купе.

Ранний вечер румяным янтарём заливался в окна поезда. Москва уже оставалась далеко позади блеклым отзвуком угасающего ночного фонаря. Поезд прибыл в Киров, когда Клара вернулась в свой вагон. В её купе подселился грузный пожилой мужчина с двумя большими клетчатыми баулами и рыболовными снастями. Клара с трудом протиснулась к своей полке через заваленный сумками проход. Не дождавшись отправления поезда, мужчина разложил на столе свой ужин и стал трапезничать. Запах тушёнки, сала и майонеза тут же заполонил всё купе. Стоянка в Кирове была долгой, ещё оставалось много времени до отправления, поэтому Клара, осознав, что не сможет выдержать этот буйный колорит запахов, пока сосед нерасторопно и размеренно управлялся с ужином, взяла паспорт и поспешила подышать свежим воздухом, а заодно узнать на вокзале о возможной пересадке на Петербург.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.